

УДК 338–631

ТАРХАНОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ

В статье на основе анализа принятых до настоящего времени определений категорий политической экономии показано, что дальнейшему развитию политической экономии, как науки, может содействовать приведения понятий этих категорий к определениям, исключающим дуалистическое, казуистическое и не сущностное толкование. Приведены уточнения определений экономических категорий, которые могут способствовать лучшему пониманию сути происходящих в экономическом и социальном организме явлений.

Ключевые слова: политическая экономия; благо; экономический организм; стоимость; ценность; цена; потребительная, меновая и прибавочная полезность; рента; производительные силы; основное средство; цель экономической деятельности.

TARKHANOV O.V.

THE POLITICAL ECONOMY: TERMS AND DEFINITIONS

ABSTRACT

Based on the analysis of the definitions of categories of political economy adopted so far, the article shows that the further development of political economy as a science can be facilitated by bringing the concepts of these categories to definitions that exclude dualistic, casuistic and non-essential interpretation. Clarifications of definitions of economic categories that can contribute to a better understanding of the essence of the phenomena occurring in the economic and social organism are given.

Keywords: political economy; good; economic organism; cost; value; price; use, exchange, and surplus utility; rent; productive forces; fixed assets; the purpose of economic activity.

Введение

В XVII веке Декарт пришел к выводу, что без определения предмета, о котором говорят или спорят, не может плодотворно развиваться наука. Важность этого положения Декарт отразил в рекомендации «Определяйте значения слов и вы избавите мир от половины его заблуждений».

Это положение Декарта признано основополагающим для всех наук. Но в области экономических исследований из-за их специфики эту рекомендацию не просто реализовать. Язык экономического общения – это язык, о категориях которого, как категориях диалектических, представления исследователей находятся в непрерывной зависимости от форм развития человеческого общества.

Например, Аристотель считал рабство – естественным, а обмен благами – противоестественным. В то же время, без определения сути экономических категорий, плодотворное развитие представлений об экономике принципиально невозможно.

О сложности отношений в экономической среде свидетельствует факт наличия множества экономических учений об одном и том же. Возможно, поэтому как ранее, так и сегодня именно между экономистами согласия нет. И это не случайно. Ведь практика производства благ и их потребления периодически подвергается истощению чаще, чем исследователи успевают задуматься о сути происходящих в обществе событий. Так, за четыреста лет до новой эры Аристотель задумался

о равенстве обмениваемых тысячелетиями благ. Но потребовалось еще две тысячи лет, пока Петти не усмотрел в этом равенстве участие абстрактной категории «труд» и не понятной категории «земля». Тем временем уже исчез и феодальный строй в Европе, когда Смит и Рикардо смогли приступить к систематическому описанию капиталистического способа производства благ. Казалось бы, наступила эра плодотворного осмысления производства и распределения благ, как в мире возникло течение социалистов, почувствовавших несовершенство капитализма. Уже и наука о производстве и распределении благ как будто бы возникла в трудах Смита и Рикардо. Но история вновь внесла коррективы и капитализм обрушен был на 1/6 части суши. В XX веке в России возникла практика социализма. Но капитализм неожиданно преподнес сюрприз. Он вместо перерастания в Европе в социализм превратился в национал-социализм. Это нарушило нормальный ход развития представлений о производстве благ и их распределении среди людей.

Не было согласия и между экономистами Советского Союза, которые в течение долгого времени с 1917 г. по 1983 г. так и не смогли прийти к общему мнению о сути социалистических производственных отношений в СССР. В 1983 г. экономисты, образованные на труде К. Маркса «Капитал» и защитившие не одну тысячу диссертаций по марксизму-ленинизму, пришли к единогласному мнению о том, что убыточность сельского хозяйства в СССР, по их мнению, определяется тем, что социализм «не может обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества» [1].

А в XXI веке на Западе социологи и экономисты говорят о желании народов разрушить западный образцовый капитализм, который их не кормит, и построить социализм. Вдобавок, сегодня во всем мире продовольственная проблема усугубляется [2, 3]. «Одной из наиболее острых проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, является недостаток использования научных знаний для того, чтобы понять и улучшить жизнь сельского населения во всем мире, – сказал Грациану да Силва. – Чтобы добиться этого, нам необходимо посмотреть на реальность за пределами университетских стен» [2].

Но уже через пять лет после этого, в новом докладе ООН констатируется: «Без дополнительных усилий цель искоренения голода к 2030 году не будет достигнута» [3].

Не помогла решению этого весьма острого вопроса и замена в России социализма капитализмом (рынком). Значит, необходимость уточнения определений категорий о производстве благ является актуальной.

Исследование

Известно, что неосознанной целью бытия людей всех рас на Земле, заложенной в них природой, является воспроизводство себе подобных. С течением времени люди, независимо от места нахождения на Земле, убеждались – чем больше их сообщество по числу членов, тем выше вероятность воспроизводства самих себя. Отсюда, развитие человеческого сообщества по цепочке семья – род – племя – союз племен – народ – нация.

Вместе с тем, на любом из перечисленных этапов качество жизни людей, а значит и их способность к воспроизводству, определялись потреблением различных благ. Среди этих благ главными являются *пища, одежда и жилище*. Назовем эти блага жизненно важными благами (в дальнейшем, для краткости, благо).

В одних случаях, такие блага доставались людям при небольшой затрате труда (сбор плодов, ловля рыбы, охота на животных, использование шкур убитых животных, естественных пещер и укрытий). В других случаях – деятельность по выращиванию растений, животных и обустройству жилищ становилась осознанной и целесообразной.

С течением времени наблюдательность людей позволяла им вырабатывать определенные навыки и рекомендации по созданию благ. К таким рекомендациям, зафиксированным письменно, относится описание выращивания пищевых растений в поэме «Работы и дни» древнегреческим писателем Гесиодом (др.-греч. Ἡσίοδος; VIII–VII века до н. э.) [4, 5]. Сам процесс выращивания Гесиод обозначил словом *Οἰκονομικός* (др.-греч. *Οἰκονομικός*; от др.-греч. *οἶκος* – дом и *νομος* – закон, буквально – правила ведения хозяйства).

Через триста лет после Гесиода Ксенофонт (430 до н. э. – не ранее 356 до н. э.) написал книгу

Οἰκονομικός, посвященную правилам ведения хозяйства [6].

Еще через 300 лет оратор Древнего Рима Цицерон перевел труд Ксенофонта на латинский язык с названием *Oeconomicus*.

Поскольку латинский язык со времен Древнего Рима использовался в качестве общенаучного языка, постольку создание благ с этих времен было опосредовано словом «Экономика».

Однако, слово «экономика» в современных языках отражает различные понятия от экономики, как деятельности, до теории этой экономической деятельности.

Передача от одного поколения другому поколению людей практических навыков по производству благ могла быть отражена через изложение последовательности каких-либо действий, как это было описано в поэме Гесиода и работе Ксенофонта. Однако понимание сути процесса производства с целью его теоретического осмысления для выявления пути совершенствования производства благ нуждалось в отражении этой деятельности в абстрактных категориях, одинаково отображающих любые производства и распределения любых разнородных благ от пищи до непищевых предметов.

В пределах философского онтологического осмысления деятельности по созданию благ является необходимость в обозначении абстрактного объекта, как объекта метафизического, понимание сущности которого отражало бы и место взаимодействия каких-либо экономических категорий, и способы их взаимодействия по созданию экономических благ.

Представляется, что такой онтологический объект можно отобразить метафизической (политической) сложной категорией «Экономический организм».

В этом случае процесс познания экономических явлений в человеческом обществе будет сводиться к познанию и расшифровке сущности «Экономического организма» по созданию благ и их распределению для целей воспроизводства человечества.

Таким образом, под объектом (экономической категорией) «Экономический организм» как главной экономической абстрактной категорией понимается метафизическое (политическое) понятие, отображающее абстрактное место, в котором

действия экономических категорий по тем или иным способам их взаимодействия приводят к созданию жизненно необходимых для человека благ.

Но в «Экономическом организме» блага не производятся сами по себе. В их производстве принимают участие люди, использующие соответствующие материальные объекты. Этот факт отображается абстрактной категорией «Производительные силы».

Необходимо отметить, что определение этой категории дано в различных справочниках и энциклопедиях. И во всех без исключения источниках определение этих сил сводится к «Системе субъективных (*человек*), вещественных (*техника*) элементов» [7, 8].

Но такое определение является неполным, ибо человек, как живой элемент человеческого общества, внутри «Экономического организма» для своих действий нуждается в пище. Т.е. без пищи (объективный элемент) – субъективный элемент «человек» никак не может принять деятельное участие в создании благ. При этом, поведение человека внутри «Экономического организма», как показано К. Марксом и Ф. Энгельсом, весьма жестко диктуется производственными отношениями между участвующими в производстве благ людьми, как общественным способом производства. И это никем не оспаривается. Стало быть, указанное определение производительных сил нуждается в дополнении указанием на пищу и производственные отношения. С учетом этого, экономическая категория «Производительные силы» может быть представлена как «Система субъективных (*человек*), вещественных (*техника*), общественных (*экономическая формация, как способ производства благ*) и объективных (еда) элементов» [9].

Третьей важнейшей для экономических исследований является категория «рента». Начало осмысления этой категории положено У. Петти [10]. Заметим, что Маркс считал Петти гением и родоначальником политической экономии [11].

Относительно ренты Уильям Петти пишет: «13. Допустим, что кто-нибудь может собственными руками возделывать, окопать, вспахать, взборонить, засеять, сжать определенную поверхность земли и, как этого требует земледелие, свезти, вымолотить, вывезть хлеб, на ней выросший, и допустим, что

он располагает достаточным запасом семян, чтобы засеять поле. Если он из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года; и среднее из семи лет или, вернее, из того ряда лет, в течение которого недороды чередуются с урожаем, даст в виде зернового хлеба обычную ренту» [10, С. 16].

Не трудно убедиться, что у классика политической экономии, которого Маркс считал гением политической экономии, рента представляет собой от выращенного земледельцем среднего за несколько лет урожая часть, оставшуюся после вычитания из этого урожая всех затрат земледельца, включая потребленные земледельцем и его семьей блага.

И этот факт превышения результатов земледельческого производства над потребленными на производство благами являет собой единственное материальное обоснование того, что земледелие обеспечивает воспроизводство жизни не только непосредственно занятых в производстве производительных сил, но и иных членов человеческого общества.

Т.е. именно рента является источником благ для поддержания воспроизводства тех членов человеческого общества, которые не участвуют в производстве благ, но имеют какое-то отношение к «экономическому организму».

Вместе с тем, в описании ренты Петти затронуто не только производство земледельческих благ. В выражении Петти земледелец «...отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей» в явном виде отображаются и иные производители других благ, которые обмениваются на блага, произведенные земледельцем.

Таким образом, в коротком и вполне ясном для понимания описании Петти процесса производства благ, отображены не только блага как таковые, но отображены разные по назначению блага. Одни из этих благ производятся для употребления самим производителем и его семьей в качестве пищи. Часть же из произведенных им благ предназначена для обмена на блага (одежду), произ-

веденные другими участниками экономического организма. И наоборот.

Таким образом, уже из исследований Петти следует, что экономическая деятельность человеческого общества включает такие категории, как общее количество благ. Из этого общего количества часть благ предназначена для собственного потребления. Другая часть благ предназначена для обмена на необходимое для потребления иных благ другого производителя, и излишне произведенное количество благ для иных членов общества.

Вполне ясно, что эти категории, даже без отображения их определений в каких-либо словарях до Петти, вполне четко участвовали во всех процессах производства благ как при первобытнообщинном строе, так и во всех последующих формах (формациях) человеческого общества. Но факт отсутствия определений вовсе не мешал ни производству благ, ни их обмену друг на друга или на деньги, откладываемые впрок в предшествующие Петти эпохи. Но отсутствие определений этих категорий мешали увеличению знаний об «Экономическом организме», как объекте, подлежащем научному исследованию и осмыслению.

После Петти отмеченные им блага стали у Смита и Рикардо приобретать очертания неких абстрактных экономических категорий. Но лишь у Маркса мы находим определение одной из них. Маркс пишет:

«Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью» [12, С. 38], «Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость» [12, С. 40–41], «Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей» [12, С. 42].

Как видим, у Маркса благо, как некая экономическая абстрактная категория, не только привязана к некоей вещной полезности, но и одновременно обозначена как вещь (объект), связанная с трудом производителя.

Вместе с тем, перевод слов, отображающих в «Капитале» Маркса понятий «потребительная стоимость» и «меновая стоимость» на немецкий язык и обратно, приводит к некоторой смысловой неоднозначности. Так «потребительная стоимость» переводится как *Wert verwenden*, а «меновая сто-

имость» как Tauschwert. Вместе с тем в оригинале таких слов нет. В оригинале используются слова Wertgegenstaendlichkeit (ценность) и Wertding (величина).

При таких обстоятельствах приходится констатировать, что под категорией «потребительная стоимость» необходимо понимать объект, производимый в «экономическом организме» для непосредственного потребления самим производителем. И этот объект может отображать собой как часть производимых благ (благо одного качества), или как «потребительная стоимость», эквивалент «потребительной ценности». Но во всех этих синонимах слова «ценность» или «стоимость» для русскоязычного исследователя и читателя невольно связывают произведенное благо для непосредственного потребления со смыслом русскоязычных слов «цена» или «стоимость». И такой смысл вносит известную путаницу в понимание сущности производимых в «экономическом организме» объектов.

Учитывая изложенное и для исключения смысловой путаницы в исследовании, производимые в «экономическом организме» блага, как объекты, назовем «полезностями». В этом случае упрощается понимание и более сложных категорий, образованных с использованием категории «полезность», по смыслу эквивалентной словам «ценность» или «стоимость». Такими производными категориями будут категории «потребительная полезность» и «меновая полезность».

Определение «полезности». Под «полезностью» понимается объект, производимый в «экономическом организме» и предназначенный для удовлетворения потребностей производительных сил.

Определение «потребительной полезности». Под «потребительной полезностью» понимается объект, производимый в «экономическом организме» производительными силами для собственного потребления.

Определение «меновая полезности». Под «меновая полезностью» понимается объект одного рода, производимый в «экономическом организме» производительными силами для обмена на объект другого рода, как «меновую полезность», произведенную производительными силами другого «экономического организма» и предназначенные для употребления после обмена.

Из представленных обоснований следует, что тысячелетиями складывавшееся в человеческом обществе удовлетворение потребностей сводилось к производству производительными силами полезностей и их обмену. И вся произведенная масса полезностей шла через их потребление людьми на воспроизводство себе подобных.

И такой процесс без всякого вмешательства философов и ученых протекал бы до бесконечности, если бы Аристотель (384–322 до н.э.) не заметил: «...5 ложек = 1 дому» ... «не отличается» от ...5 ложек = такому-то количеству денег». И далее: «Обмен не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости. Однако в действительности невозможно, чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы, т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно, является лишь “искусственным приемом для удовлетворения практической потребности”» [13, С. 99].

Таким образом, родоначальник науки логики, зная, что обмен происходил тысячи лет до него, и обмен был при этом добровольным и не мог быть не равным для обеих сторон, пришел к выводу об искусственности приравнивания полезностей. Само очевидное приравнивание меновых полезностей Аристотель считал «чуждым истинной природе вещей». Что же имел в виду Аристотель «под истинной природой вещей»? В данном случае, Аристотель, один из самых умных философов в истории человечества, природу обмениваемых полезностей отождествил с физической природой веществ, из которых состояли обмениваемые полезности. И это было ошибкой, ибо сущность природы веществ полезностей, не есть эквивалент сущности природы обмениваемых полезностей, как объектов экономического организма.

Вероятно, поэтому, обнаружение сущности отмеченного Аристотелем явления обмена одного блага на другое, было задержано до XVII века.

Другими словами, равенство обмениваемых полезностей определялось не их материальной природой, а сущностью их экономической природы, как объектов «полезности» экономического организма.

Весьма важным шагом на пути к выявлению экономической природы обмениваемых полез-

ностей явилась интуитивная констатация Петти (1662 г.) об источниках полезностей: «труд есть отец и активный принцип Богатства, а земля его мать» [10, С. 31].

И хотя сам Петти в своем трактате под богатством понимал выручаемые от продажи полезностей деньги, но вполне ясно, что это богатство приносится полезностями, которые производятся с помощью труда и плодородной земли.

Именно у Петти мы находим размышления, весьма важные для понимания позиции Аристотеля относительно измеримости обмениваемых полезностей.

Петти пишет: «14. Но здесь возникает дальнейший, хотя и соподчиненный вопрос: какому количеству английских денег может равняться по своей стоимости этот хлеб или эта рента? Я отвечаю: такому количеству денег, которое в течение **одинакового времени** приобретает за вычетом своих издержек производства кто-нибудь другой, если он всецело отдается производству денег.... Тогда серебро одного должно быть равно по своей стоимости хлебу другого, если первого имеется, например, 20 унций, а последнего 20 бушелей, то унция серебра будет представлять собой цену бушеля хлеба.... 15. Если бы производство серебра требовало большего искусства и было связано с большим риском, чем производство хлеба, то в итоге все свелось бы к тому же 16. Я утверждаю, что именно в этом состоит основа сравнения и сопоставления стоимостей.... 18. Наши серебряные и золотые монеты имеют различные названия; таковы в Англии фунт, шиллинг, пенс, и каждая из них может быть выражена как сумма или часть какой-нибудь другой. Но по этому поводу мне хочется сказать вот что: оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям – к земле и труду; т.е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба – и корабль, и сюртук – произведены **землей** и человеческим **трудом**» [10, Глава 10, С. 31].

В приведенных размышлениях Петти, как и у Аристотеля, с учетом приведенных выше определений полезностей, пропорции полезностей меновых (хлеб, рента, сюртук, корабль, ложки, дом) приравниваются друг другу через их приравнива-

ние соответствующим частям экономической категории «деньги». Но деньги, как известно с древних времен, и что не отрицал ни Аристотель, ни Петти, собственно потребительными полезностями не являются. Об этом свидетельствует и история денег. Деньгами являлись и перья редких птиц, и камни с отверстиями, и кожа крупного рогатого скота, и даже имена должников, а не только монеты из драгоценных металлов [14, 15, 16].

Под приравнивание полезностей деньгам Петти подводит очевидную для читателей иную базу. А именно, он полагает, что мерилом всех трех объектов экономического организма, участвующих в обмене, является труд и земля, опосредуемые через время, затрачиваемое на производство разных полезностей.

Конечно, у Петти нет исчерпывающего доказательства того, что мерой полезности являются только затраченные на ее производство труд и земля. Но, вместе с тем, именно Петти обосновал, что единая природа полезностей существует. Сущность этой природы разных полезностей действительно не совпадает с сущностью материи, из которой состоят полезности. Сущность этой экономической природы полезностей является абстрактной. И как абстрактная сущность меняемых полезностей, как произведенных полезностей в сельском хозяйстве (хлеб, пища вообще), так и произведенных в несельскохозяйственном производстве полезностей (корабль, сюртук, иное), эта сущность была единой с привязкой ее природы к труду и земле или ко времени, затрачиваемому на производство полезностей.

Такое представление Петти, в отличие от размышлений Аристотеля, продвинуло представления о функционировании экономического организма на новый уровень. Это позволило шотландскому экономисту Дж. Стюарту в 1767 г. определить цели экономической науки: «обеспечить определённый фонд средств существования для всех жителей, предотвратить всякий риск возникновения недостатка этих средств, обеспечить все блага, необходимые для удовлетворения потребностей общества, и дать занятость всем жителям» [17].

Но эти цели, которые не достигнуты и в XXI веке, по времени были сформулированы с большим опережением возможностей, определявшимся состоянием экономической науки.

В последующем Смит (16 июня 1723 – 17 июля 1790) [18] и Рикардо (8 апреля 1772 – 11 сентября 1823) [19] не смогли увязать абстрактную природу категории «полезность» с землей. Поэтому, в их представлениях абстрактная измеримость меняемых полезностей сводилась только к труду (или времени), затрачиваемому на производство полезностей.

Исследования Смита и Рикардо, мощный рост производства благ и ренты в капиталистической системе производства привел к становлению экономической науки, как отрасли знания, к развитию которой подключилось множество исследователей в разных странах. Производимой зрелым капитализмом ренты (в терминах классиков – прибавочной стоимости) стало хватать на содержание не занятых в производстве благ исследователей и выпуск десятка трудов по политической экономии.

Весь накопленный к середине XIX века потенциал экономической науки был проанализирован в грандиозных по глубине и объему трудах К. Маркса и Ф. Энгельса [20, 21].

В первом из них излагается общее видение развития человечества, как возникновения и смены экономических формаций. При этом Маркс особо подчеркивает, что его исследования не являются единственными: «Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениальных набросков к критике экономических категорий (в «Deutsch-Französische Jahrbücher») поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришёл другим путём к тому же результату, что и я (ср. его «Положение рабочего класса в Англии»)» [20, С. 2].

Необходимо учесть, что к моменту написания [20] Марксу исполнилось 40 лет. Т.е он находился в самом цветущем для творчества возрасте. Его замечания о том, что все им излагаемое в этом произведении – основано на исследованиях, позволяет принять его выводы и суждения, как доказанные. И это обстоятельство весьма важно для оценки приведенных Марксом выводов относительно общих тенденций развития человеческого общества, вообще, и развития представлений об экономическом организме, в частности.

Маркс пишет: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения

– производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания» [20, С. 2].

Применительно к экономическому организму, это суждение является отражением сделанного Марксом открытия социально-экономического порядка. А именно, производство полезностей производительными силами на любой ступени развития человеческого общества определяется **производственными отношениями внутри производительных сил.**

Вместе с этим открытием Маркс вводит в экономическую науку и новую экономическую категорию «производственные отношения». На сущность этой категории Маркс указывает вполне определенно: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались» [20, С. 2].

Это вполне однозначно понимаемое суждение Маркса позволяет дать определение производственным отношениям с учетом замечания Маркса о юридическом выражении этих производственных отношений в виде отношений собственности. Полагая, что производственные отношения, как категория, должны отражать для экономического организма всех формаций общую суть, то под отношениями собственности необходимо понимать юридическую форму собственности на средства производства, а не любую собственность, например личную, церковную или какую-либо иную. Поскольку о таких правах известно со времен Платона (427 г. д.н. эры), то применительно к экономическому организму речь может идти только о частной, коллективной или общественной (государственной) форме собственности на средства производства.

Определение. Под экономической категорией «*производственные отношения*» понимаются

отношения между субъективными элементами (людьми), складывающиеся в экономическом организме на основе права собственности на основные средства производства.

Далее Маркс пишет: «Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [20, С. 2].

Всего две краткие мысли. И обе оставляют за Марксом и Энгельсом авторство двух открытий. Одно из открытий связано с тем, что категория «производственные отношения» могут как развивать «производительные силы», так и мешать их развитию, вплоть до превращения в оковы производительных сил.

Другое открытие связано с открытием причины социальных революций. Такой причиной является превращение производственных отношений в оковы для производительных сил.

Вместе с тем, исследование экономического организма невозможно без определения экономической сути весьма важной категории, которой является основное средство производства. И такое определение, с которым согласны все исследователи-экономисты, дано в различных справочниках и энциклопедиях.

Так, в экономико-математическом словаре: «Основным средством производства» или основными факторами понимается «одна из составляющих (другая – капитал оборотный) производительного капитала, полностью и многократно используемая в производстве товара, переносящая свою стоимость на новый продукт по частям в течение длительного срока и возвращаемая предпринимателю в денежной форме также по частям» [21].

В приведенном определении есть упоминание категорий, сужающих его применение.

Так, упоминание о предпринимателе выводит из рассмотрения те средства производства, которые не принадлежат каким-либо предпринимателям, а являются либо коллективной собственностью, например в товариществах, либо государственной собственностью, как это было в СССР и есть в ряде современных государств.

Одновременно, такое упоминание выводит из анализа эпоху первобытнообщинного строя и рабовладения.

Использование категории «товар» выводит из рассмотрения те эпохи, когда товарного производства еще не было.

Использование категории «стоимость» затеняет исследование, так как вносит в исследование разномыслие, привязанное к деньгам.

Стало быть, указанное определение нуждается в уточнении.

Определение. Под категорией «*основное средство производства*» понимается используемое в производстве полезностей средство, которое в процессе производства переносит на производимую в экономическом организме полезность соответствующую часть своей способности, которая участвует в производстве полезностей.

В таком определении главной экономической сутью категории «основное средство» является факт, наблюдаемый в процессе производства, выражающийся в снижении изначальной способности основного средства на величину части этой способности средства, переносимой на производимую с его помощью полезность.

Вполне ясно, что приведенное определение основного средства производства должно соблюдаться для любого экономического организма, производящего любые полезности, включая сельскохозяйственный экономический организм в любые исторические эпохи. В этом (сельскохозяйственном) организме множество сельскохозяйственных полезностей можно свести к единой полезности в виде урожая (урожайности) той или иной сельскохозяйственной культуры.

К сожалению, при ознакомлении с экономикой сельского хозяйства было выявлено несоответствие между обозначенным в ней главным основным средством производства и его поведением.

Действительно, в сельском хозяйстве за главное основное средство производства принята «земля». Однако в процессе производства сельскохозяйственных полезностей не проявлялось свойство перенесения стоимости земли на производимые в сельском хозяйстве полезности. Не проявлялось это свойство ни в абстрактном, ни в материальном, ни в бухгалтерском смысле.

Тщательное исследование сельскохозяйственного производства позволило установить причину такого несоответствия. Оказалось, что категория земля, используемая при описании земледелия

в трудах первых исследователей экономического организма от времен Гесиода и до наших дней, не является ни главным, ни основным средством производства, так как у этой категории принципиально не переносится на урожай какая-либо часть ее стоимости. Наоборот, несмотря на тысячелетнюю эксплуатацию земель в сельском хозяйстве, стоимость этих земель год от года только увеличивается.

В то же время, основное средство в сельском хозяйстве, как абстрактная экономическая категория, подчиняющаяся требованию переноса своей способности, выраженной в натуральных частях ее сущности, действительно есть и ее части переносятся на сельскохозяйственную полезность.

Таким основным средством производства в сельском хозяйстве является почвенное плодородие [22].

Выводы

Не трудно убедиться, что представленные уточнения определений основных категорий, описывающих производство благ (полезностей) в абстрактном объекте создания благ, как полезностей, не содержат понятий, вносящих путаницу в осмыслении сущности «экономического организма» и действующих внутри него экономических категорий.

Список литературы

1. Заславская Т.И. Доклад «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», прочитанный на семинаре «Социальный механизм развития экономики». – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1983.
2. ФАО: Наука против голода. 1 августа 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agroxxi.ru/>
3. Мировое будущее продовольственной безопасности «в опасности» из-за многочисленных проблем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/471700/icode/>
4. Иваницкий В.Л. История экономических учений: учебник. – М.: Юрайт, 2018. – 282 с.
5. Гесиод. Работы и дни. Земледельческая поэма / пер. В. Вересаева. – М.: Недра, 1927.
6. Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
7. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
8. Философская Энциклопедия. В 5-х т. / Под редакцией Ф. В. Константинова – М.: Советская энциклопедия, 1960–1970.
9. Тарханов О.В. Кризис международной безопасности как следствие системы научных заблуждений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 3 (19). – С. 93–100.
10. Уильям Петти. Трактат о налогах и сборах. 1662 г.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20. – С. 243.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. – Т.7. «Капитал», 1987.
13. Аристотель. Сочинения. Издание Иммануила Беккера. – Том IX. – Оксфорд, 1837. – с. 99.
14. Галицкая С.В. Деньги, кредит, финансы. – М.: «Экзамен», 2004.
15. Тарханов О.В. Теоретическая экономия (тупик классового подхода). – М.: «Экономика», 2003. – 351 с.
16. Тарханов О.В. Инфляция // Общество и экономика. – 2004. – №10. – С. 136–156.
17. Дж. Стюарт. Исследование принципов политической экономии. 1767 г.
18. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.-Л.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935.
19. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 360 с.
20. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии / Собр. соч., изд. 2, – Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.
21. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – 5-е изд., – М.: Дело, 2003. – 520 с.
22. Тарханов О.В. Основное средство производства агроценоза: обоснование нового видения // Аграрная наука. – 2014. – № 7. – С. 13–14.

Статья поступила в редакцию 11 января 2020 г.

Принята к публикации 28 февраля 2020 г.

Ссылка для цитирования: Тарханов О. В. Политическая экономия: термины и определения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 1(29). С. 95-103. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-1-95-103>